

Стендап в зеркале языка – язык в зеркале стендапа. Кейс Казахстана

Инна Калита

Беларусский институт в Праге, Чешская Республика
inna.kalita@belarus-institute.cz

Ключевые слова: стендап, Казахстан, казахский язык, русский язык, национальный маркер
Keywords: stand-up, Kazakhstan, Kazakh language, Russian language, national marker

1 Национальные маркеры русскоязычного стендапа

1.1 Введение

Русскоязычная стендап-комедия постсоветского ареала не обходится без внутреннего национального стержня. Национальными маркерами в русскоязычном стендапе выступают отдельные языковые единицы национальных языков и проработка различных аспектов концепта ‘свой’ – ‘чужой’. Эти маркеры не занимают в комедийном творчестве современных стендап-комиков и комикесс какое-то исключительное место, однако их проявления дают весьма ценный материал для анализа идентичности продуцента комедии и аудитории. Юмористический «продукт» на русском языке с вкраплениями «чужих» слов характеризует комика как представителя своей национальности, а итоговая сумма «идентичностей» комиков – представителей одной страны отражает общие тенденции и проблемы социальной сферы, либо доминанты национальной картины мира. Отметим, что национальные юмористические контенты в постсоветском ареале создаются комиками на русском языке – в разной степени для них родном. Иначе говоря, мы имеем дело с билингвальными либо полилингвальными стендап-продуцентами, которых приходится послушать такая же полиязычная публика, что позволяет стендаперам, наряду с прочими приемами создания комичного, использовать переключение языковых кодов – задействовать единицы родного языка в случаях, когда таковые кажутся им более емкими. Стендап-комедия характеризуется встроенностью в социальный контекст, а упомянутая полилингвальность продуцентов и слушателей является закономерным следствием советской политики русификации. До сих пор в странах постсоветского ареала не существует паритета между национальными языками и русским языком, языковые ситуации все еще неоднозначны, а национальные языки не превалируют над языком межнационального общения, следовательно влияние чужой культуры не ограничено. Комики постсоветского ареала – представители разных этнокультур, объединенных в прошлом общим 70-ти летним отрезком советской истории. Эта история в сознании младших стендаперов базируется на рассказах старших, и лишь у некоторых – на собственном опыте. Этот факт позволяет выдвинуть утверждение, что «душа» современного стендапа постсоветского ареала питается детским опытом и «соками» общесоветских стереотипов, само же «тело» формируется благодаря «национальной кухне» (исторической, бытовой, культурной, социальной, политической обстановке), при этом не без влияния общемировых веяний и одновременного присутствия определенной доли автокоррекции, вытекающей из факта развития национальных традиций стендап-комедии на русском языке. Исключение после 2022 г. составляет украинский стендап и некоторые примеры в других национальных традициях.

1.2 Цели, источники, методы

Целью данной статьи является общая характеристика стендап-сцены Казахстана и анализ *национальных языковых маркеров*, средств и стратегий их презентации в стендапе через призму языковой ситуации в стране. Мы используем условный термин *национальный маркер*, под которым понимаем специфические, ярко выраженные проявления «иног», отражающиеся в вербальном и невербальном поведении на русском языке, прямо либо косвенно указывающее на принадлежность к нерусской этнической культуре. В русскоязычной стендап-комедии Казахстана таким маркером прежде всего являются *вкрапления* единиц казахского языка. Кроме того, маркером выступают фоновые знания, без понимания которых русский текст, созданный казахстанцем, носителю русского языка будет не понятен.

Исходя из факта, что комедийные тексты казахстанцев являются результатом сплетения атрибутики двух и более национальных картин мира, невозможно обойти вниманием вопрос места и состояния казахского языка. Поэтому в задачи данной статьи входит описание векторов языковой политики Казахстана, и не менее важный для нашей темы вопрос реализации коммуникативной и символической функций казахского языка. Используя описание современной языковой картины Казахстана в качестве фона для рассмотрения стендап-комедии, мы ставим цель проследить как социолингвистические факторы коррелируют с бытовой языковой идентификацией, насколько активно национальный язык в роли символа вписан в культурный контекст, трансформируется ли под его влиянием. Эти вопросы рассматриваются с учетом законодательных актов, статистических данных, мнений казахов, высказываемых в комментариях к новостям, и репрезентации в стендап-комедии.

Базисом для анализа стендап-комедии служит тематическая выборка из шоу отдельных казахстанских комиков и комиксес, среди которых есть этнические казахи; казахи по национальности, родившиеся в России; русские и русскоязычные казахстанцы, всю жизнь или долгое время проживающие в Казахстане. Такой неоднородный состав казахстанской стендап-сцены предлагает различные юмористические «продукты», отражающие взгляды казахов и русских друг на друга.

При анализе стендап-комедии мы опираемся на два основных источника: 1. теорию Т. А. ван Дейка и В. Кинча о стратегиях понимания связного текста, в которой особое внимание уделяется характеристике пользователя языка, его целей и знаний о мире, и соотношениям выражаемого автором непосредственно в тексте и в контексте (Дейк – Кинч, 1988); и 2. положения Н. Жинкина о соотношении разных форм языка и речи (Жинкин, 1964).

2 Казахстан в зеркале языков

2.1 Языковая ситуация в Казахстане: предыстория и современное состояние

Современный Казахстан – многонациональное государство с населением свыше 20 млн. человек, в котором принцип толерантности прописан как одно из положений государственной политики, а также можно утверждать, что этот принцип лежит в основе этики казахской этнокультуры.

Предки казахов, будучи кочевниками, в своей истории подвергались множеству влияний. Колонизация казахских степей Российской империей началась в 1730-х годах. Внутренние усобицы и внешняя опасность привели к тому, что хан Абулхаир обратился за протекцией к императрице Анне Иоанновне, в результате чего в 1731 году казахи

Младшего жуза¹, положение которого было трагичным, приняли русское подданство (подробнее см. Samigulov, 2025, с. 24).

Долгий процесс русификации Казахстана был неравномерным, наиболее действенным его инструментом стало образование. Некоторые казахи получали высшее образование в Российской империи в XIX веке. В XX веке, как и остальные народы, вошедшие в состав СССР, казахи подверглись масштабной русификации, главной силой которой были школы с русским языком обучения. Русский язык внедрялся и с печальной неологией эпохи – вместе с организацией ГУЛага, первый период которого в республике начался в 1930-х годах.

Система лагерей развивалась и в военное время (лагеря для военнопленных), вплоть до смерти И. Сталина, после которой в конце 1960-х годов лагерная система подверглась коренным изменениям, произошло ее свертывание и преобразование в исправительно-трудовые колонии (Сактаганова, 2022, с. 146).

После второй мировой войны в СССР началось освоение целинных и залежных земель. Главным объектом целинной программы был Казахстан, куда привлекалась молодежь из всей страны. Сопутствующее освоению целины строительство жилья и развитие инфраструктуры вело к тому, что многие целинники, поработав несколько лет, оставались там жить (приводится цифра 2 миллиона человек). Так процесс освоения целины в 1950–70 годах способствовал формированию в северных областях Казахстана (Акмолинской, Костанайской, Северо-Казахстанской, Павлодарской) больших восточнославянских диаспор и меньших диаспор других национальностей.

«(...) из 13 млн. человек, проживавших в Казахстане в 1970 году, 4,2 млн. составляли казахи и 5,5 млн. – русские. В 1979 году из 14,7 млн. жителей республики доля казахского населения составляла уже 5,3 млн., а русского – 5,99 млн. человек. По переписи 1989 года, из 16,2 млн. человек казахи составляли 6,5 млн., русские – 6 млн.» (Алтынбекова, 2006). В настоящее время, по статистическим данным, казахи составляют более 70 % населения страны, остальная часть жителей – это представители более 124 национальностей и народностей. Государственным языком Казахстана является казахский, относящийся к тюркской языковой ветви, который, кроме литературной нормы, представлен диалектами (западный, южный и северо-восточный). Неоднократные смены политических приоритетов страны отразились на казахской письменности, ее нескольких переводах с одного алфавита на другой.

«Казахский язык, как и все тюркские народы, наследовал руническую (орхон-енисейскую) письменность. Затем арабско-мусульманское влияние привело к тому, что казахи стали пользоваться арабской графикой, приспособленной А. Байтурсыновым к особенностям казахского сингармонизма. В советское время казахи под мощным административно-партийным напором пережили два перевода письменности: на латинскую и очень быстро – на кириллическую графику. Последствия такой перемены графических систем как в целом для народа, так и для его отдельных представителей ощущаются до сих пор: а) потеряно и до сих не восстановлено культурное наследие на арабской и латинской графике (не всякий литературовед может прочитать рукописи Абая); б) один народ – казахи Казахстана и казахские диаспоры – оказался разделен графически; в) ‘графический’ шок – не редкость: казахи-репатрианты (оралманы), вернувшись на этническую родину, оказываются неграмотными; казахи, учившиеся в

¹ Младший жуз (устаревшее название Малая орда) – одна из трех значимых групп казахских племен и народов, занимавших земли Западного Казахстана. На территории Казахстана с конца XVII и в XVIII в. оформлялись родоплеменные союзы: Старший жуз (каз. Ұлы Жүз), Средний жуз (каз. Орта Жүз) и Младший жуз (каз. Кіші Жүз). Казахское слово «Жүз» в переводе значит ‘сотня’.

злополучное время стремительной смены алфавита, начинали обучаться на арабской графике, потом формировали новые латинские буквенно-звуковые представления, а заканчивали школьный курс с навыками чтения и письма на кириллице (...)» (Сулейменова, 2010, с. 235 – 236).

В настоящее время в документообороте государственных учреждений наравне с казахским используется русский язык, признанный языком межнационального общения. В медиасфере Казахстана он занимает половину эфирного времени. Официальная статистика о владении населения страны казахским языком (80%) расходится с комментариями казахов к этой статистике (до 60%). Бывший Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в свое время продвигал идею триязычия как государственной языковой нормы. В 2007 г. был утвержден образовательный проект «Триединство языков» – казахского, русского и английского, предусматривающий их обязательное изучение в начальной школе, однако в 2022 г. одновременное изучение трех языков с первого класса было отменено. Современная языковая политика страны направлена на расширение сферы применения языка титульной нации и одновременно – толерантного полилингвизма. Постепенное внедрение такого подхода дает позитивные сдвиги в пользу казахского языка.

3 Основные стендап-сцены и лица казахстанской комедии

3.1 Стендап-сцены Казахстана

В современном Казахстане представлено несколько сильных стендап-площадок.

В 2014 г. был основан «SunProjectKZ». Идея проекта принадлежала Аману Тюлюгенову и Алихану Карымсакову, которые решили, что для полного равновесия им нужен русский – Александр Меркуль, позже признавшийся, что он белорус.

В 2021 г. возникло сообщество «Stand Up Astana», основной идеей которого было объединение начинающих и опытных комиков Казахстана. Кроме реализации комедийных проектов, резиденты «Stand Up Astana» принимают участие в ежегодных благотворительных мероприятиях и поддерживают фонды, помогающие больным детям.

«Almaty Central Stand Up Club» открылся в 2022 г. в Алматы, после первого масштабного стендап-фестиваля, который стал фундаментом новой традиции – ежегодного фестиваля комедии «Alem Comedy Fest», объединившего комиков Центральной Азии. В этом же году «Central Stand Up Club» запустил ютуб-канал «QAZAQSHA STAND UP», где комики выступают на трех языках – казахском, русском и английском, изюминкой «Central Stand Up Club» является развитие отдельной ветви – казахоязычной стендап-комедии.

3.2 С(т)ильная десятка и иже (не) с ними

В рамках рассмотрения данной темы автор видит свою задачу в презентации общей картины стендап-сцены Казахстана, представленной не только уже сложившимися зрелыми комиками и комикессами, но и перспективными начинающими. Поэтому предлагаемая выборка не охватывает всех лучших комиков Казахстана.

Айна Мусина («Stand Up Astana») – казахстанская стендап-комикесса №1. Путь в стендап начала в 2018 г. – участвовала в еженедельных шоу «Открытый микрофон» в Астане. В 2021 г. вошла в образовавшееся сообщество «Stand Up Astana». Разрабатывает гендерную тематику: бесправие женщины в Казахстане, сексизм, психология детской травмы и казахские традиции.

Галым Калиакбаров («Stand Up Astana») в 2019 г. победил на StandUp-фестивале в Санкт-Петербурге, где был награжден сертификатом на съемку сольного концерта. За семь лет работы в комедийном жанре оформился индивидуальный стиль – интеллектуальный, спокойный, логичный. Основные темы: психология отношений,

семейные ценности, родители и дети. Каждое выступление свидетельствует о постоянной неутомимой работе над своим репертуаром.

Зарина Байболова («Stand Up Astana») в стендапе десять лет, ее основными темами являются семья и семейные традиции, национальная культура, и вызывающая для казахской культуры тема ЛГБТ.

Рустем Мереке («Stand Up Astana») – участник КВН, представитель Казахстана в проекте телеканала ТНТ «Comedy Батл». Разрабатывает темы: мужчина и женщина, семья, воспитание, особо интересны его размышления об особенностях казахского языка и аспектах его непереводимости.

Руслан Тай («Almaty Central Stand Up Club») родился в семье уйгура и беларуски. Внешне мягкий неподражаемый образ таит сильный стержень. Умело жонглирует словами и смыслами. Выступает на казахском и русском языках.

Мухтар Ерлан («Almaty Central Stand Up Club») представляет стендап-контент на казахском и на русском языках. Тексты пронизаны множеством метафор. Критика социально-значимых проблем умело заворачивается в элегантную обертку аллюзий.

Аман Тюлюгенов («SUNProject») – один из первых стендап комиков Казахстана, стаж которого в юмористической сфере десять лет. В Казахстане его называют «Папа стендапа». Является основателем одного из наиболее успешных стендап-проектов «SUNProject». Шутит о таксистах, врачах, телесности, своей доброте.

Турсынбек Кабатов в казахстанском стендапе стоит особняком, не входит в вышеназванные проекты. Юморист и телеведущий (шоу «Добрый вечер, Казахстан!»), дебютировал в составе команды КВН Астана.KZ (2000 г.), ведущий собственного ТВ-шоу «Кабатов на КТК». Выступает преимущественно на казахском, в последнее время и на русском языке.

Ярослав Миронов («SunProjectKZ») – молодой, многообещающий русскоязычный комик, постоянно проживающий в Казахстане. Шутит о межнациональных отношениях русских и казахов.

Злата Дуда («SunProjectKZ») – самая молодая стендап-комикесса Казахстана, начавшая свой творческий путь в четырнадцать лет. Не по возрасту взрослая и интеллектуально развитая. Шутит об отношениях с мамой, о подростках, переходном возрасте, воспитании.

Невозможно обойти вниманием еще несколько чрезвычайно популярных фигур, связанных с Казахстаном, которые, однако, живут и выступают в России.

Азамат Мусagaliev родился в маленьком городе Камызяк, казах по национальности. Был капитаном команды КВН «Сборная Камызякского края». Талантливый юморист, российский телеведущий, актер. В 2018 и 2024 годах был доверенным лицом кандидата в президенты РФ В. Путина, внесен в украинскую дабазу «Миротворец» как пособник захватчиков и террористов.

Нурлан Сабуров родился в Степногорске. В юмористическом жанре более десяти лет. Этнический казах, один из наиболее высокооплачиваемых комиков российской стендап-сцены. Его стиль отличается жестким юмором, цинизмом, пренебрежительной иронией, граничащей с уничижением и оскрблением публики. В 2022 г. комик оказался в центре скандала во время своего концерта за границей (на сцену выбежала девушка в платье с красными пятнами, символизирующими кровь убитых украинцев. Сабуров отреагировал фразой «Простите, это месячные?»). Это привело к отмене его концертов в США и Израиле и переоценке отношения к нему части поклонников.

Сауле Юсупова родилась в с. Варна Челябинской области в семье этнических казахов, воспитывавших детей в соответствии с национальными традициями. Казахским

языком не владеет. Резидентка «Женского стендапа» на ТНТ. В ее комедиях преобладают шутки о домашнем насилии и национальных стереотипах.

Евгений Чебатков родился в Усть-Каменогорске. Гражданин Казахстана, образование получил в Канаде. С 2015 г. проживает в Москве и выступает преимущественно в РФ, ведущий шоу «Stand Up» на ТНТ. Шутит о детских психологических травмах, родителях, школе, стереотипах восприятия иностранцев, восприятию русских за границей.

4 Языки в зеркале казахстанского стендапа

4.1 Вкрапления казахских слов в текстах русскоязычных стендап-комедий

Для русскоязычной комедии Казахстана характерно использование в русском тексте отдельных лексем казахского языка. Смещение кодов в форме *вкрапления*, при линейном зачленении лексем одного языка в высказывание на другом языке, для казахско-русского билингвизма является наиболее активной и практикуемой формой (Жаркынбекова – Чернявская, 2022, 787). Эта же форма наиболее частотна в казахстанском стендапе, а также в целом характерна для стендапа всего постсоветского ареала. Однако роль вкраплений дуальна. Тюркизмы в русском тексте понятны русскоязычным жителям Казахстана, но вне его требуют объяснения. Речь чаще идет о словах, называющих родственные связи или специфически национальные явления. Такие вкрапления – способ поддержания своеобразного межкультурного диалога, который в большом зале способствует созданию непринужденной доверительной атмосферы.

Когда в видео концерта включены субтитры, поясняющие значения использованных в стендап-комедии казахских слов – барьеров для понимания не возникает, и шутку поймет русскоязычный слушатель вне Казахстана. Однако видео концертов далеко не всегда сопровождаются переводом – и в этом случае у носителей русского языка, не проживающих в Казахстане, остаются вопросы и возникает недопонимание. В комедиях также используются многозначные казахские слова, к таким относится значимое для казахской культуры слово *агашка*, прошедшее долгий путь семантической трансформации и имеющее как положительные, так и отрицательные значения. Это слово является наиболее частотным у казахстанских стендап-комиков и комикесс и встречается практически у каждого стендапера, например, в комедии Айны Мусиной («Еще начали агашки подкатывать и меня это пугает, потому что в душе я, как и многие, чувствую себя моложе (...)») (Мусина, 2022). Подробная характеристика этой единицы в данной статье является практической необходимостью, так как, кроме прочего, ее использование/понимание отражает такие функции стендапа, как познавательная и функция межкультурной коммуникации. Для русского слушателя слово непонятно, в то время как казах владеет полным набором этимологических сем и фоновых знаний, связанных с ним и относящимся к разным историческим эпохам.

Агашка – (1) женское имя, (2) ‘младшая сестра’ или ‘младшая дочь’, (3) ‘молодая девушка или женщина, занимающая важное место’.

В современном казахском языке также используется сленговое слово *агашки*, имеющее другую этимологическую линию. *Ага* – уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине. Образовано от казахского корня *ага* – ‘старший брат’, ‘дядя’. Оформление сленговой единицы *агашки* связано с периодом становления независимости Казахстана, когда явно ощущался правовой вакуум. Политический аналитик Е. Иргалиев использовал для обозначения этой неофициальной структуры слово «агашизм», а само явление охарактеризовал как *стихийный ответ на требования транзитного периода, начавшегося в 90-е годы*. Пример «агашизма/агашизма» совмещает черты древнего национального мироустройства казахов (в котором важнейшая роль была отведена главе рода – аксакалу) с постсоветским «крышеванием» 1990-х годов.

В обобщенном значении *агашка* – ‘мужчина, имеющий положение, статус, связи и вес в обществе, который использует их для протекции с выгодой для себя’, соответственно, используемое во множественном числе слово *агашки* символизирует институт влиятельных мужчин. Условно говоря, агашка – ‘неформальный лидер’, функции которого объяснимы посредством популярного в 1990-е годы русского сленгового слова «крыша». В Казахстане это ярко выраженное явление, выросшее на национальных исторических корнях. Агашки часто связаны между собой родственными связями и образуют замкнутый круг, вход в который чужим закрыт. Современный агашка способен влиять на политические и экономические вопросы на государственном уровне, а также «крышевать» решение различных индивидуальных трудноразрешимых проблем – трудоустройство в госструктуры, получение госсакса, принятие нужного решения суда и подобное. Выделяют несколько групп агашек:

(1) агашки-«крыши» («берут деньги от бизнесменов и прочих предприимчивых людей за то, чтобы к ним не приходили и их не трогали правоохранительные, контролирующие и прочие государственные органы и чиновники») (Воронов, 2006).

(2) Агашки-«разводящие» («когда к вам уже пришли или на вас напали. (...) В суде правды не добьешься (...) и начинаются поиски почтенных “старцев”, которые могут помочь решить возникшую проблему») (Воронов, 2006).

(3) Агашки-беспредельщики («сами себе и крыши, и разводящие. (...) Вот едет такой по городу и понравился ему, не дай бог, ваш офис. Или земля (...), или вообще весь ваш бизнес. Хорошо, если хоть какие-то деньги предлагают. Приходят “гости” и говорят: сделай подарок шефу на день рождения! (...) исчезать бесследно бизнесмены уже начали. Те, которые не смогли договориться с агашками») (Воронов, 2006).

(4) Агашки-«понтовщики» («крутизна заключается в том, что они могут похвастаться родством или свойством, например, с президентом или его домочадцами. Поди, проверь») (Воронов, 2006).

(5) *Татешки* – это агашки женского рода, по аналогии с институтом влиятельных мужчин, представляют институт влиятельных женщин.

Начиная с 1997 г. агашки в Казахстане стали массивной структурой. По мнению Е. Досмухамедова, агашки – это «неформальный институт, имеющий четко выраженный национальный и исторический характер. Наша политическая и экономическая реальность носит изуродованные очертания, поскольку в обществе полностью перекрыты все каналы для получения полноценной всесторонней информации гражданами страны» (Аккулы, 2011). Понятие *агашки* постепенно превратилось в символический маркер Казахстана, по аналогии с выражением Ильи Ильфа (край непуганных идиотов – о СССР) В. Воронов называл Казахстан «страной непуганых агашек».

4.2 Перипетии истории, или где казахи в Казахстане

Социально-экономическое развитие Казахстана в советский период вело к планомерному «наводнению» республики славянскими и неславянскими народами, следствием чего стало неравномерное расселение автохтонов и осевших приезжих. Это же стало причиной языковой негомogeneity, а сегодня эта тема находит свое отражение в стендап-комедии.

«Я не очень хорошо знаю казахский язык, потому что я вырос в своем поселке, а у нас поселок состоял практически только из переселенцев из Советского Союза. Там жили украинцы, русские, немцы, там татары, беларусы, чеченцы, ингуши, было очень мало казахов. Особенно у меня на раене (...), дом, где жили казахи, у нас был геолокацией. Мама звонит – ты где? И ты такой – да я вот где дом, где казахи живут» (Приходько, 2023).

Комическое как противоречие, как результат контраста – излюбленный прием Юрия Приходько. «Смех всегда – радостный “испуг”, радостное “разочарование-изумление”, которое прямо противоположно восторгу и восхищению» (Борев, 1981) – именно такие картины создает в своих выступлениях Приходько. Механизмы его юмора построены на очевидных контрастах, которые подаются как факт, а ожидаемое и случившееся впечатляют несоответствием.

«Я еще учился в колледже, у нас в колледже тоже было мало казахов, настолько мало, что у одного из них была кличка “казах”. И все понимали о ком идет речь (...). Еще я в колледже пел в студенческом хоре, мы пели прекрасную песню: я, Игорь, Илюха, Саня Мишка, Димка и Диас по кличке “казах”. Со стороны выглядит как сборная Казахстана по хоккею» (Приходько, 2023). Без непривычного противопоставления «статистической» составляющей реальной казахской «единицы», которая в стандартной ситуации должна быть в большинстве, комический эффект не имел бы такой силы.

4.3 Идентичность и языки

Стендап-комики Казахстана и прямо, и косвенно подтверждают, что вопрос владения казахским языком является вопросом большим и актуальным. Именно с него начинают свои выступления и этнические казахи, и русскоязычные.

Ермек Игликов: *«Я казах, не знающий казахского языка. Потому что родом из России»* (Игликов, 2023).

Тилеген Эркинбеков: *«Я заранее хочу предупредить, что я казахоязычный казах. Поверьте мне, есть неказахоязычные казахи»* (Еркинбеков, 2024).

Сункар Жаксыбаев: *«В Степногорске мало кто говорит по-казахски. Только учителя казахского. И то с акцентом»* (Жаксыбаев, 2022).

Алишер Торегали: *«Я вообще вырос в маленьком городке, учился в казахской школе, знаете, она была сильно казахская, настолько казахская, что урок русского языка вел я там, потому что пришел я с русского садика»* (Торегали, 2021).

Нурлан Сабуров: *«(...) у меня очень скудный словарный запас, если говорить про казахский язык. (...) Я лишь могу вставить некоторые шутки, но полноценное выступление, думаю, в будущем произойдет»* (Сабуров, 2022а).

Языковая политика Казахстана в постсоветский период и пополнение населения страны выходцами из РФ после 2022 г. изменяют вес казахского языка в стране и способствуют, во-первых, повышению его статуса, во-вторых, привлекают внимание к языку тех, кто ранее не считал нужным владеть им и пользоваться в ежедневном общении. Многие аспекты казахской истории и языка легли в основу стереотипов, и наше время, внося коррективы, становится символическим зеркалом. Традиционным подходом в СССР было обобщение всех народов Азии и утверждение о их плохом знании русского языка. В 2022 г. реальность «переворачивается», и переехавшие в Казахстан русские оказываются в том же положении, что и казахи в РФ. В отличие от казахов, изучающих русский язык в национальной школе, переехавшие в Казахстан русские вынуждены начать с нуля. Ошибки плохо говорящих иностранцев в любой стране становятся предметом шуток. Широко распространены они в России, но для Казахстана это новый опыт. *«Русским сложно учить казахский язык, особо глупые русские не могут даже казахское имя и фамилию запомнить»* (Приходько, 2023). Нурлан Сабуров, этнический казах, постоянно проживающий в России и в должной степени родным языком не владеющий, на своем концерте в Алматы иронизировал:

«Че, с России есть приезжие? Ну че русские? Казахский изучаете уже? Правильно говорить “тенге”, а не “тэнге”. Это все равно, что 200 “рублэй”. Да, как ситуация поменялась, а? Лет десять назад, когда в Москву приезжали рабочие из Средней Азии,

русские там сидели: “Это кто там на такси приехал ко мне? (кур-кур-кур-тул, (...)). А сейчас все такие: “Алма-Ата, Алма-Ата, всегда мечтала”» (Сабуров, 2022б).

Однако в этом вопросе казахи не столько иронизируют над русскими, как сами над собой. Шкала самооценки своего владения национальным языком у стендап-комиков и комикесс начинается с легкого подшучивания над собой и доходит до жесткой самоиронии и полного самоуничижения.

«Я, короче, пошла в медцентр сдавать анализы, и там на рецепшене девушка разговаривала чисто на казахском языке. Она что-то быстро говорит и показывает на бумажку. Я такая – ну, наверное, пора. И даю ей эту баночку, частичку себя (...). Она такая (...) – “удостоверение личности”. Знаете, двойной позор. Я не знаю родной язык, вместо удостоверения говно даю. У меня такое лицо было ... Ну, в принципе, это удостоверяет твою личность. Говно, не знающее родной язык» (Байболова, 2023).

Вливание нового потока русских заставляет население Казахстана более глубоко задуматься о своей идентичности и языке.

«Меня больше мотивируют учить язык это вот славяне, знающие казахский. Я даже могу сказать, что это стыдно становится, потому что Миша знает казахский, Ермак – нет, вопрос – кто из них больше казах?» (Игликов, 2023).

«На самом деле приезжие россияне меня очень сильно замотивировали учить казахский язык, потому что они все, вот как приехали, стали учить казахский, и мне стало стыдно, что я не в совершенстве знаю язык своей страны» (Миронов, 2023).

Даже в том случае, если русскоговорящий казахстанец в определенной мере чувствует себя культурным проводником между «своими по языку» и «своими по менталитету», последний маркер перевешивает и ощущается как более значимый (см. например (Чебатков, 2024)). В новой социолингвистической ситуации русскоязычный казахстанец и недавно приехавший в Казахстан русский разделены наличием разного культурного багажа и отличающимися этностереотипами. Российская действительность для русскоязычного казахстанца, даже если он русский по национальности, не является «своей действительностью», а потому как категория «чужого» становится предметом шуток. В силу природной лояльности, казахстанцы склонны сглаживать «острые углы», и оценка событийных полей в стендапе облекается ими в более «мягкие» аллюзии. Однако практически все ситуации, ставшие объектом юмора, кроме широких ассоциативных полей, сами собой выдвигают противопоставления.

*«Часто встречаю туристов из России, ну у них там че-то случилось ... какая-то программа новая ... они сейчас ездят, путешествуют, изучают мир. Вообще когда был сначала большой наплыв россиян в Казахстан, я сначала немного испугался, потому что мы, местные русские, знаете, немного теряемся. Ну, упадем в цене. Но мне нравится, что случилось наоборот. Потому что раньше мы были просто **орысы** (русские, прим. авт.), а сейчас мы – «наши **орысы**». Я такой – уау, наши? Как класно звучит (...)» (Миронов, 2023).*

Ироничное отношение к людям, плохо владеющим языками, затрагивает не только не знающих казахский язык, казахи смело шутят и над своим (не)знанием русского.

«Я как-то зашел в магазин, подошел к кассирше и говорю – дайте хлеб. – Сколько вам? Я говорю – мне – 28. Касирша поняла, что я не очень хорошо знаю русский язык, и прям хотела показать это, и говорит – молодой человек, сколько вам хлеба? Я ошибку осознал уже, но признаваться не хочу. Я такой говорю – 28 хлеба дайте мне» (Еркинбеков, 2024).

Языковая игра строится на контекстных ожиданиях (продавец спрашивает возраст при продаже алкоголя) и мотиве плохого понимания русского языка. Будучи готовым дать ответ о своем возрасте, герой комедии теряется в ответе на основной вопрос – о нужном

количестве хлеба. К популярным темам относится казахстанская семья, состоящая из супругов, разных по национальности и вере. Скетчи строятся на параллелях-антитезах ‘казах – русская’, ‘мусульманин – православная’ и сводятся к закономерному вопросу – «На каком кладбище будут хоронить супруга/у?». Объектом юмора становятся фоновые знания двух культур. Как правило, супружеская пара должна преодолеть культурные несоответствия в традициях религиозных празднований.

«Я казах, моя жена – русская. Нас когда видят, говорят, – ну как вы живете (...)? Да, нормально! Первое время, конечно, странно было. Она говорит: Христос воскрес! Я такой: Да, ну на..! Сейчас уже нормально. Она говорит: Христос воскрес! Я такой: Бирге болсын (прим. авт. взаимно, или и тебя с праздником)» (Кабылбаев, 2024).

В стендап-комедии судьба одного человека может служить мини-образом судьбы страны. При том, что юмористический жанр призван смешить, практически все скетчи, касающиеся национального языка и самосознания, пронизаны горькой самоиронией. Приведем пример из выступления Ермака Игликова.

*«Я казах, не знающий казахского языка. Потому что родом из России. Поэтому я переехал в Казахстан, чтобы выучить свой родной язык. (...) Мое обучение началось с детства, но метод был вообще не эффективен, потому что меня заставляли на **мое** (прим. авт. той – свадьба) поздравлять на казахском. Мне говорили – давай, скажи слово имениннику на родном языке. Я слышал – давай, опозорься перед всей семьёй. (...) Я всегда проигрываю, потому что на таких мероприятиях найдётся ребенок получше, который не только тост скажет, но и **бата** (прим. авт. благословение) прочитает, и на домбре сыграет, у него бизнес уже есть свой, а ему три года вообще. Это внук **эже-йкиной** (прим. авт. бабушкиной) подруги. Он ещё **Қазақ тілі** (прим. авт. казахский язык) знает. Пока он с гостями говорит по-казахски, я ухожу по-английски. (...) Я всю свою сознательную жизнь рос в русскоязычном обществе, и у меня даже родители для удобства в обращении к людям помимо своих имен носят еще и русские имена. Но со стороны это смотрится странно. Потому что у меня отец – Николай, мама – Ольга, я – **Ермак**. Кто мы вместе вообще? Славяне **Малого жуза**? У меня тоже, кстати, также как и у родителей, было второе имя, это – **бестолочь** – казахский не может выучить» (Игликов, 2023).*

Приведенный текст включает вкрапления казахских единиц. Кроме имени, понятного из контекста, автор комедии использует слова, называющие национально-специфичные явления – *той*, *бата*, *Жуз*, а также единицу, состоящую из компонентов двух языков: *эже-йкиной*, где казахское *эже* (бабушка) дополнено русскими аффиксами и окончанием. Такие единицы не редкость в русскоязычном стендапе, также как и смешанные фразы.

*«Возникают неловкие ситуации постоянно. Просто однажды завязался разговор с фразы: «**Айналайын, қазақша сөйле**» (прим. авт.: Дорогой мой, на казахском разговаривай). Я решил отмазаться и сказал: «Извините, я бурят» (Игликов, 2023).*

*«Теперь каждый поход в магазин я репетирую. Я стою напротив плюшевого медведя и представляю, что это сотрудник магазина. Я стою такой: «**Сәлемметсіз бе, маған сүт нан** (прим. авт.: Здравствуйте, дайте мне, пожалуйста, молока и хлеба) и **касира** другого позовите, пожалуйста, не получается ничего. Домой без продуктов прихожу». (Игликов, 2023).*

В игровом диалоге с плюшевой игрушкой присутствует символика зеркала – зеркальное «я» олицетворяется в образе продавца магазина – «чужом», но одновременно это и «свое» – внутренний страх. Герой добровольно превращается в собственную мишень, его действие «отзеркаливается». Ментальная обработка информации в комедийном тексте носит характер интерпретации: ожидаемое событие предваряется

реконструкцией, производящейся в соответствии с индивидуальной включенностью комика в социально-культурный контекст, место и время.

4.4 Изучение казахского языка: мотив – процесс – реакция

Обращение стендап-продюсентов к теме родного языка, кроме того, что серьезная проблема проговаривается вслух в большой аудитории, задействует психологические аспекты, которые при внимательном рассмотрении могут быть полезны в практике преподавания языка, так как комики открыто говорят о своих ошибках, и о том, что неприятно при изучении языка. Поэтому стендап-комедия может быть полезным источником для создания нетравмирующих подходов в обучении.

*«(...) в школьной программе казахского языка ты учишь слова, которые тебе в жизни не особо не пригодятся. Потому что я со школьной программы знаю слово **тозаң**, переводится как пыльца. Вот где это слово я буду использовать? Поэтому я считаю, что надо переделать школьную программу казахского языка, чтоб учили слова, которые тебе действительно в жизни пригодятся. (...) Чтобы ты хоть знал че о тебе люди в автобусе говорят» (Приходько, 2023).*

Тема дороги – поездка в городском транспорте или такси относится к наиболее популярным проработкам личных психологических проблем и встречается практически у каждого комика. Аллюзия с дорогой, в которой обязательно присутствие условного **проводника**, реализуется множеством вариантов. Роль проводника расщепляется на две ипостаси: (1) реальный образ – человек, выполняющий свою профессиональную либо социальную функцию, (2) внутреннее “я” героя. Обе ипостаси тесно связаны подобными психологическими оценками. Проводником в общественном транспорте выступают пассажиры. Герой, не знающий казахского языка, как пассажир того же транспорта, обычно гадает – что окружающие говорят о нем. По-видимому, ситуация настолько частая, что именно ее комики позиционируют как ключевую при постановке вопроса – «Зачем надо изучать язык?», давая один и тот же ответ: *чтобы понимать, что о тебе люди в автобусе говорят.*

Еще один частотный вариант познания себя через дорогу – поездка в такси. Здесь в полную силу включается аллюзия ‘**дорога** (жизненный путь) и **проводник** (водитель такси и внутренне “я”)’. Поездка в такси – кратковременный маршрут, во время которого пассажир оказывается в «ловушке» параллельной коммуникации, объединяющей: (1) **внешний диалог**: звучащая речь водителя, созвучная внутренней самооценке пассажира и звучащая речь пассажира; (2) **внутренний монолог**: невербальная речь пассажира, являющаяся диалогом с самим собой, и (3) **внутренняя речь в речи**: представления пассажира о себе и о том, что в данный момент думает о нем водитель.

«В процессе дороги меня спрашивают знаю я казахский или нет. После ответа – не знаю, – мы помимо маршрута, поехали по ушам» (Игликов, 2023).

Возможность совмещения литературных и сленговых значений одного и того же слова позволяет комику создать следующий уровень интерпретации происходящего – *поехали по ушам* (‘пудрить мозги’, ‘нудно о чём-то рассказывать’), и далее посредством обращения к зрителю включить его в дискурсивное пространство: *Вас когда-нибудь за ваши деньги унижали?* Поставив вопрос, комик идет дальше, и переосмысливает названия тарифов такси, превращая тариф «комфорт» в тариф «дискомфорт».

Игра в ассоциации в стендап-комедии перемещается в реальную бытовую ситуацию. Русскоязычный покупатель закупает большое количество стройматериалов, продавец говорит только на казахском, и просит покупателя проверить все ли в наличии.

«Он начал по списку перечислять материалы на казахском языке, чтобы я проверил. А я не проверял, я играл в ассоциации. В итоге количество слов совпало с количеством предметов» (Игликов, 2023).

Языковая практика при отсутствии стандартной образцовой языковой среды – проблема практически каждого постсоветского государства, в том числе и Казахстана. Она отражается средствами, традиционными для социолингвистического описания нарушения языковых норм в билингвальной среде – использование отдельных морфем, слов и фраз двух языков.

*«В разговорном клубе мне говорят – больше практикуйся. Как это возможно? Говори на казахском. Но невозможно практиковаться, когда многие говорят на смешанном – казахском вместе с русским языком, даже на уровне радиовещания. Я помню, ехал в автобусе и слышу: **Қазақ радиосы** (прим. авт. Казахское радио) – нам сто лет. Такой казахский я знаю. Прямо очень **жақсы** (прим. авт. хорошо) знаю»* (Игликов, 2023).

Переключение языковых кодов – регулярное явление в условиях двуязычия, а стендап-комедия лишь подтверждает уже хорошо известный факт, что контактные языки не используются как изолированные друг от друга, а в той или иной степени взаимодействуют между собой. Это отражает прежде всего речевой уровень бытовой коммуникации, а также и средства массовой информации, и в меньшей мере – письменные тексты разных стилей.

4.5 Наблюдения над языком

Постоянное нахождение в условиях языкового контакта значительно обостряет языковое чутье активных билингвов, так как процесс обработки информации в различных социальных контекстах вынуждает к анализу и выбору наиболее адекватных средств. *«Речь содержит неизмеримо больше информации, чем язык. Она содержит информацию: а) о языке, б) о той части действительности, о которой говорится в речи, и в) о говорящем человеке во многих аспектах»* (Жинкин, 1964, с. 29). Все эти компоненты без труда найдем в стендап-комедии, и в силу того, что стендап существует как устный жанр, сами комики в большей мере **сосредоточены не на том, что пишется**, а на том, **что и как звучит**. Предметом стендап-«исследования» служит не только вербальная речь, но и невербальная: *«Только мы казахстанцы прикольное всех разговариваем, вкуснее всех рассказываем истории, потому что помимо слов, мы зачем-то используем звуковые спецэффекты»* (Мереке, 2023).

И даже если в комедии речь идет о схематично подобных явлениях разных языков, их национальные слепки все же являются единичными образцами.

*«Мы не самые пунктуальные люди. У нас даже нет четкого точного ответа на вопрос – во сколько ты придешь завтра? У нас есть универсальный ответ – **Көреміз** (прим. авт. посмотрим). Надо же создать иллюзию – типа, занятыыыы, типа – дееела завтра. Но еще меня удивляет, что мы не только добавляем звуки, мы иногда изобретаем новые слова. Я заметил, что в разговорном казахском языке нет слова очень и слова сильно. Они есть, но в литературном, официальном смысле, а в разговорном нам, чтобы усилить описание, достаточно протянуть гласную букву.*

*Не подскажете, где аптека? – **Ана жақта** (вон там).*

*А парикмахерская? – **Анаааааа жааақта** (вооооооон тааам).*

И мы понимаем, что парикмахерская, видимо, дальше, чем аптека» (Мереке, 2023).

Замечено, что билингвы при спонтанном смешивании двух языковых кодов выбирают слова, лучше усвоенные ими на бытовом уровне, соответствующие их языковым предпочтениям и представлениям о норме. Часто этот выбор связан с эргономией слова – эффективным вхождением в контекст за счет малого объема либо популярности в данный период времени.

*«У меня многие, знаете, казахские слова очень сильно вписались в мою речь. Я, например, никогда не говорю пойдём, я говорю **кеттік** (прим. авт. погнали), потому что*

классно звучит. Мне недавно друг-россиянин говорит – Пойдем? Я ему говорю – пойдёшь ты на хуй. А мы – кемтік, понял?» (Миронов, 2023).

5 Фоновые знания как национальный маркер

Фоновые знания, как этнонасыщенная информация, обеспечивают взаимопонимание в определенном обществе и включают освоенные представителями этого общества/нации/страны реалии, концепты, верования и традиции, отражающиеся в языке, в том числе безэквивалентной лексикой, которые вызывают у носителей этого культурного багажа одинаковые или подобные ассоциации. Акцент ассоциативной связи часто ложится на компоненты, обладающие этноконотацией, локальной спецификой, а также на этнофразеологизмы. Фоновые знания, наряду с языковыми единицами, выступают в роли национальных маркеров стендап-комедии и проявляются множеством форм. Однако самыми интересными примерами стендап-комедии с национальными маркерами являются тексты, написанные грамотным русским языком, где ни одно слово не указывает на наличие «чужого» присутствия. В таком тексте носитель русского языка (неказахстанец) видит примарный слой – занимательный понятный рассказ. Носитель фоновых знаний (казахстанец) за первичным текстом видит множество ассоциативных связей с реалиями, традициями, либо конкретной локальной ситуацией. Такие тексты встречаются редко, и безусловно, свидетельствуют о высоком мастерстве комика. Крайне насыщенный ассоциативной «паутиной» скетч предлагает любителям стендап-комедии Мухтар Ерлан. В начале мы рассмотрим звучащий текст, т.е. примарный слой комедии.

«Я понял почему мы не успеваем. У нас людей мало, не хватает. Нас очень мало, но большая территория. Мы как будто маленькая семья, которая живет в огромной квартире. Мы комуналку не вывозим. Но вид из окна красивый. У нас еще соседи снизу – воду нам перекрывают постоянно. Соседи сверху ругаются постоянно с кем-то, их дети к нам прибегают. Мы к их детям лучше, чем к своим относимся, всю еду им отдаем, наши – ладно. У нас огромная квартира, но только в двух комнатах можно жить. Только две комнаты нормальные, в одной, правда, прокурено, во второй – сквозняк постоянно. Вообще второй комнаты там не было, отец такой: хочу еще комнату. Мы такие – может ремонт в других сделаем? Нет, вон там должна быть комната, хочу там жить. Мы такие – ну, ладно. Потом отец нас бросил. Пришел новый отец. Говорит: у нас теперь новая семья. Но тоже самое делает» (Ерлан, 2024).

Прочитаем текст вторично, включив ассоциативные связи, понятные носителям фоновых знаний.

Я понял почему мы не успеваем [намек на бесхозяйственность и непродуманную государственную политику]. *У нас людей мало* [ирония с включением функции литоты, совмещающей значительное преуменьшение с подчеркнутым смягчением. Казахстан занимает 62-е место в мире по численности населения, в стране живет свыше 20 млн. человек], *не хватает* [повтор – усиление иронии]. *Нас очень мало, но большая территория* [прием контраста. Территория Казахстана занимает 9-е место в мире и составляет свыше 2 млн. км²]. *Мы как будто маленькая семья* [намек на ограниченность прав], *которая живет в огромной квартире* [огромная площадь страны]. *Мы комуналку не вывозим* [государство не справляется с решением хозяйственных задач]. *Но вид из окна красивый* [красота природы, разнообразие рельефа, горы, холмы, степи, равнины и т.д.]. *У нас еще соседи* [соседние государства] *снизу* [Узбекистан, Кыргызстан] – *воду нам перекрывают постоянно* [дефицит воды в отдельных регионах Казахстана связан со значительным сокращением в последнее десятилетие стока воды со стороны Узбекистана, Кыргызстана, Китая и РФ]. *Соседи сверху* [РФ]

ругаются постоянно с кем-то [военные конфликты], их дети к нам прибегают [выезд молодых людей из РФ в Казахстан в 2022 г.]. Мы к их детям лучше, чем к своим относимся [гостеприимство казахов], всю еду им отдаем, наши – ладно. У нас огромная квартира, но только в двух комнатах [две столицы – старая (Алматы: 1929–1997) и новая – Астана. В 1997 г. столица Казахстана была перенесена из Алматы в Акмолу, в 1998 г. Акмолу переименовали в Астану] можно жить [условия для нормальной жизни, социальное обеспечение, культурная жизнь]. Только две комнаты [Алматы и Астана] нормальные, в одной, правда, прокурено [Алматы находится на 5-ом месте среди 120 крупнейших городов в списке Индекса качества воздуха, экологическая ситуация не решается], во второй [Астана] – сквозняк постоянно [относится к самым холодным столицам в мире, занимает второе место после Улан-Батора]. Вообще второй комнаты там не было, отец [первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев] такой: хочу еще комнату [перенос столицы]. Мы такие – может ремонт в других сделаем [навести порядок в нестоличных городах и провинциях]. Нет, вон там должна быть комната, хочу там жить. Мы такие – ну, ладно [следующее переименование столицы – из Астаны в Нур-Султан (2019-2022) в честь президента]. Потом отец [президентские полномочия Назарбаева – с 1991 по 2019 г.] нас бросил [ушел в отставку за несколько месяцев до очередных президентских выборов]. Пришел новый отец [Касым-Жомарт Токаев, полномочия с 2019 г. по настоящее время]. Говорит: у нас теперь новая семья [акцент на обновление и отказ от прежнего режима]. Но тоже самое делает».

Языковые метафоры и аллюзии, плотно сконцентрированные в приведенном тексте, отражают порицаемые обществом социальные явления, при чем здесь нет придуманных событий, все аллюзии привязаны к реальным фактам, иначе ни метафоры, ни ассоциативные связи не могли бы стать связующей нитью между первичным звучащим текстом и фоном знаний, касающихся исключительно Казахстана.

6 Языковая интерференция: некоторые результаты казахско-русского билингвизма

Поляризация, основанная на признаке незнания казахского языка, проявлялась в Казахстане в 1980-е годы, когда в языковом пространстве страны широкое развитие получил условный разговорный «шала-казахский язык». Название связано со словом «шала-казах» – этимологически и исторически ‘половинчатый’, т.е. на половину казах, ‘человек, у которого только один из родителей казах’. Со временем слово приобрело уничижительное значение ‘казах, не владеющий казахским языком и не уважающий национальную культуру и традиции’. Отметим, что жители отдаленных от больших городов населенных пунктов преимущественно владеют казахским языком и используют его в ежедневном общении, в то время как городское население, как и в других постсоветских странах, говорит на смеси национального языка с русским.

«Шала-казахский язык» – аналог белорусской трясянки и украинского суржика, объединяющий лексические, фонетические и грамматические элементы русского и казахского языков. «Для казахско-русской гибридной практики характерно образование гибридных слов, в которых корень слова из казахского языка соединяется с русскими аффиксами или флексией. (...) Одновременно наблюдается другое: к корневым морфемам русского языка присоединяются казахские аффиксы» (Жаркынбекова – Чернявская, 2022, с. 787).

Некоторые из вышеприведенных нами примеров «шала-казахского языка» – результатов языковой интерференции, заслуживают более пристального внимания. Прежде всего – слово *агашка*. Казахское слово *ага* – ‘старший брат’, ‘дядя’ вложено в русскую словообразовательную модель с уменьшительным суффиксом *-к-*. Задавшись

вопросом – «Слово казахское или русское?», – невозможно дать однозначный ответ. В казахском языке нет всех словообразовательных компонентов этого слова, а в русском нет самой семы, вложенной в корень *ага*. Факт «навлекания» на традиционный казахский образ современных «ряс» из аналогичных функций закономерно отразился в русском языке Казахстана. Новые «словоформулы»: *агашки, агашизм, агашкизм, агашкизация* – результат скрещения не только компонентов двух языков, но и форм мышления. Сконструировать ментальное представление, в особенности осмысленное, способны люди, понимающие реальные или речевые события, при условии, что они имеют глубокие знания об этих событиях. О наличии таких знаний свидетельствует процесс осмысления представлений о неофициальной структуре агашек. Эти знания легли в основу трансфера национальных сем в устойчивые единицы и стали мотивом для создания вторичных фразеологизмов, отражающих реалии Казахстана. Речь идет о чрезвычайно интересном в социолингвистическом плане явлении – оформляется **фразеологическая единица на русском языке, не понятная носителям русского языка, или, иначе, русская единица, не предназначенная для использования русскими в России, а созданная вне России для внутренних коммуникативных нужд другой страны.** К такой категории относятся новые фразеологизмы, созданные казахстанцами: *без агашки – ты букашка / какашка, лишь с агашкой – человек* (разг. рус. *без бумажки – ты букашка, а с бумажкой – человек*); *скажи, кто твой агашка, и я скажу, кто ты* (рус. *скажи кто твой друг, и я скажу кто ты*); *нет татешки без агашки* (рус. *нет дыма без огня*). Слово *агашки* отражает социальные и языковые реалии Казахстана и присутствует оно исключительно в русском языке жителей этой страны.

Весьма ценным образцом протекания процессов интерференции является стендап-комедия молодого русскоязычного казахстанского комика Ярослава Миронова, отражающая реакцию на новую для Казахстана ситуацию.

«Вы замечали, что если приезжаешь в Россию и у тебя нерусское имя, тебе дают русское имя. Мне кажется, сейчас самый класный момент, чтобы отомстить. Анатолий? Хм. – Толиген! Ярослав? – Ярослав! Антон? – Извини... Владимир? – Езжай обратно... нам такое не нужно» (Миронов, 2023).

Хотя в самой ситуации такого «перекрещивания» нет ничего нового, ибо она проигрывается в каждой стране, юмористический скетч высвечивает этические нюансы перевода онимов.

В условиях языковой интерференции на начальном этапе изучающий чужой язык часто придерживается стереотипов, однако фразы, кажущиеся универсальными формулами, могут сослужить плохую службу.

*«Я не знаю языка, к своему стыду. Но я нашел лайфхак для себя. Я понял, что какое-либо благоприятное событие случается для тебя, надо говорить **құтты болсын** (прим. авт. поздравляю). (...) Но оказывается, это не всегда работает. Я был на похоронах. Ну че там надо говорить?»* (Игликов, 2023).

Рассмотренные примеры – результат казахско-русской языковой и культурной интерференции, свидетельствующий о том, что процессы языкового взаимодействия в условиях неродственно-русского двуязычия дают подобные результаты и протекают не менее активно, чем аналогичные процессы в условиях родственно-русской интерференции (беларусско-русской, украинско-русской). Билингвизм как понятие хорошо описанное теоретически, представляется как взаимодействие двух языковых систем. В нашем случае анализа стендап-комедии мы имеем дело с непосредственным употреблением языка – звучащей речью, в которой переключение кодов в определенный момент нарушает структурную целостность системы, вводя в нее связующую «чужую» единицу, т. е. структурно однородное целое в некоторых местах связывается

«инородными телами»: морфемами, словами, фразами, предложениями, при этом звучащий текст не распадается, не теряет свою структурную целостность и не утрачивает смысл, а приобретает новые значимые коннотаты. Момент переключения кода не всегда полностью зависит от языкового выбора продуцента, он может быть вызван внезапными внешними факторами – реакцией публики, на которую продуцент не может не отреагировать.

Заключение

Стендап-сцена Казахстана представлена большим количеством комиков, безусловно и потому, что в стране наблюдается большой спрос на стендап, именно национальную стендап-комедию. В одном из интервью Е. Чебатков на вопрос «Почему так много казахов в юморе? Что за ген такой?», отвечает: *«Наверное, это связано с длительным периодом кочевого образа жизни, и я полагаю, что кочевники – это люди сверхвысокой адаптации, а юмор – это в какой-то степени все равно определенная адаптация под аудиторию, под ситуацию, это быстрая реакция, и я думаю, вот эта скорость, скорость реакций, скорость ярких оценок, артистичность, она, я думаю, сильно играет, делает такой свой, очень яркий стиль»* (Чебатков, 2024).

Кроме своей основной функции – юмористической, казахстанский стендап в настоящее время реализуется еще и как образовательный проект. Возникает множество видеопродукции, популяризирующей казахский язык, адресованной и новым переселенцам, и населению Казахстана («Казахский язык для приезжих русских» Александра Меркуля, «Тюркский разговорник» – камерное комедийное шоу об особенностях, традициях и языках тюркских народов и др.).

«(...) растет количество «низовых» инициатив (grassroots initiatives) – людей как начинающих учить миноритарные языки, так и иницирующих разные проекты в области их продвижения и сохранения. Зачастую это молодежь, которой этнический язык не был передан «естественным» путем, но поиск своей идентичности в глобализованном мире заставляет их к нему обратиться. Новое поколение выбирает и новые стратегии изучения, сохранения и продвижения этнических языков, делая ставку на интернет-технологии» (Хилханова, 2020, с. 68).

Рассмотренные нами примеры русскоязычной стендап-комедии Казахстана открывают национальный стержень, наиболее явно проступающий в языковых маркерах и фоновых знаниях. Казахские комики работают с неограниченным кругом тем, обращаясь к вопросам архетипичных отношений и к резонансным темам современности, обсуждают остросоциальные и самые интимные личные темы. По признанию Амана Тюлюгенова, казахи стараются не шутить о политике и религии. Однако и эти темы время от времени звучат в юмористических скетчах. Стендап-комедия, в силу того, что представляет собой авторский продукт, стилистически неоднородна, в основе комического эффекта часто лежит нарушение языковой нормы. В стендап-комедии комическое как критика и самокритика, ирония и самоирония превращает автора комедии в мишень. Анализ стендап-комедии на фоне языковой ситуации Казахстана и проводимой языковой политики свидетельствует о том, что социолингвистические факторы коррелируют с тем материалом, который проговаривают в своих комедиях стендап-комики и комикессы. Национальный язык выступает в роли идентификационного символа в разной степени «своих» жителей Казахстана и четко вписан в социально-культурный контекст. Стендап-комедия, кроме множества аспектов функционирования национального языка отражает и проблемные зоны в обучении языку, а вместе с тем и современную роль казахского языка. Попадая в оптику стендап-комедии, казахский язык еще в большей степени становится фактором национальной

консолидации казахстанцев. Вместе с тем стендап идет в ногу с языковой политикой страны, юмористическими средствами способствуя популяризации казахского языка.

Литература:

- АККУЛЫ, С.-Х. (2011): Агашки оказались тормозом прогресса и рассадником клановой формы правления. In: *Радио Азаттык* (8.02.2011). [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <https://rus.azattyq.org/a/agashki_kazakhstan_state_power/2299975.html>
- АЛТЫНБЕКОВА, О. Б. (2006): Миграция в Казахстане: новый статус русского языка. In: *Население и общество, 19 июня – 20 августа 2006, № 251–252*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit05.php>>
- БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ в 30-ти т., 3-е изд.* (1969–1986). Москва: Советская энциклопедия. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/217.htm>>
- БОРЕВ, Ю. Б. (1981): *Эстетика. 3-е изд.* Москва: Политиздат. Доступно в интернете: <<http://etika-estetika.ru/books/item/f00/s00/z0000004/>>
- ВОРОНОВ, В. «ДЕ-ЮРЕ»: *Страна непуганых агашек* (21.09.2006) [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30069537>
- Итоги Национальной переписи населения 2021 года (2021): Кыскаша қорытындылар Краткие итоги 2021 жылғы Қазақстан Республикасы халқының ұлттық санағының қорытындылары Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. In: *Бюро национальной статистики. Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://stat.gov.kz/ru/national/2021/>>
- ДЕЙК, Т. А. Ван – КИНЧ, В. (1988): Стратегии понимания связного текста. In: М. А. Оборина (ed.): *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва: Прогресс, с. 153–212.
- ИРГАЛИЕВ, Е. (2017): Трайбализм и агашизм – гирия для Казахстана – откровения блогера (30.07.2017). *INFO.KZ* [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://365info.kz/2017/06/trajbalizm-i-agashizm-kak-giry-a-prikovannaya-k-nogam-chto-meshaet-kazahstanu-ushpeshno-razvivatsya>>
- ЖИНКИН, Н. И. (1964): О кодовых переходах во внутренней речи. In: *Вопросы языкознания*, 6, с. 26–38. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://vja.ruslang.ru/archive/1964-6.pdf>>
- ЖАРКЫНБЕКОВА, Ш., – ЧЕРНЯВСКАЯ, В. (2022): Казахско-русское смешение кода: метакоммуникативная перспектива. In: *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 19/4, с. 780–798.
- SAMIGULOV, G. Kh. (2025): Материалы к истории казахско-российских отношений (1729–1740 гг.). In: *Вуле Gody*, 20/1, с. 23–32. DOI: 10.13187/bg.2025.1.23
- САКТАГАНОВА, З. Г. (2022): Лагеря ГУЛага в Казахстане: об этапах истории создания и функционирования. In: *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»*, 105/1, с. 144–154. DOI 10.31489/2022NPh1/144-154
- СУЛЕЙМЕНОВА, Э. (2010): Русификация и казахизация как языковая гомогенизация многоязычного Казахстана. In: *Russian Language Journal*, 60/1, с. 231–254. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://doi.org/10.70163/0036-0252.1183>>
- ХИЛХАНОВА, Э. В. (2020): Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект. In: *Социолингвистика*, 1/1, с. 63–78.
- ЧЕН, Л. (2023): Татешки: что известно о неформальном институте влиятельных женщин в Казахстане. In: *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, (20.07.2023) [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://cabar.asia/ru/tateshki-chto-izvestno-o-neformalnom-institute-vliyatelnyh-zhenshin-v-kazahstane>>

Источники в интернете:

- БАЙБОЛОВА, З. (2023): Про аллергию и незнание казахского. *Stand Up Astana* [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=WDppulsQOjk>>

- ЕРКИНБЕКОВ, Т. (2024): Тілеген Еркінбеков. О русском языке и животных на Дискавери. *Almaty Central Stand Up Club* [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=jxYHIUDS-is>>
- ЕРЛАН, М. (2024): Жизнь казахстанца. *Almaty Central Stand Up Club Astana* [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=p58pVm88xXo>>
- ЖАКСЫБАЕВ, С. (2022): *Про казахский язык*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <https://www.tiktok.com/@standup_sunproject/video/7144581316057533701>
- ИГЛИКОВ, Е. (2023): Не знаю казахский. *Stand Up Astana* [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <https://www.youtube.com/watch?v=DFIVjha-lCo>
- КАБЫЛБАЕВ, Б. (2024): *Я казах, моя жена русская*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <https://www.tiktok.com/@brzh_/video/7375885206542175493>
- МЕРЕКЕ, Р. (2023): Казахские звуки. *Stand Up Astana* [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=f58waKfh9U4>>
- МИРОНОВ, Я. (2023): Про наших русских и изучение казахского языка. *SUNPROJECTKZ*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <https://www.youtube.com/watch?v=Sz_8IOSP-VM>
- МУСИНА, А. (2022): *Айна Мусина о возрасте, разводе и бывшем муже*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=-Есрг05fрnI>>
- ПРИХОДЬКО, Ю. (2023): *Про Атбасар, фокусы и казахский язык*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=wjc45-Okl4>>
- САБУРОВ, Н. (2022a): *Сердалина А. «Скудный словарный запас»: Сабуров ответил, будет ли он выступать на казахском языке (21.10.2022)*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://newtimes.kz/obshchestvo/158394-skudnyj-slovarnyj-zapas-saburov-otvetil-budet-li-on-vystupat-na-kazahskom-yazyke>>
- САБУРОВ, Н. (2022б): *Нурлан Сабуров пошутил про россиян в Казахстане (8.10.2022)*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://tengrinews.kz/curious/nurlan-saburov-poshutil-pro-rossiyan-v-kazahstane-479892/>>
- ТОРЕГАЛИ, А. (2021): *Про казахский язык, школу и походы в баню*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: <<https://www.youtube.com/watch?v=nZv4TBHi5SE>>
- ЧЕБАТКОВ, Е. (2024): *Евгений Чебатов – стендап-комик из Казахстана. Про Дудя, Чапаряна, рэп и кино / 50 вопросов*. [Цит. 2025-31-03.] Доступно в интернете: https://www.youtube.com/watch?v=8CtV0q_Qz0k

Summary

Stand-up in the Mirror of Language – Language in the Mirror of Stand-up: The Case of Kazakhstan

This article examines national markers in Russian-language stand-up comedy in Kazakhstan. As a concentration of multiple themes, stand-up presents various humorous “products” that, among other things, reflect how Kazakhs perceive Russians / Russian speakers and how Russians perceive Kazakhs. The context of interethnic relations is always tied to the issue of native language. Specific words and phrases in the Kazakh language, along with reflections on aspects of the concept „One’s own – someone else’s“, serve as national markers within the Russian-language texts of comedy performances. These markers provide highly valuable material for analyzing the identity of the comedy producer. The analysis of the linguistic situation in contemporary Kazakhstan and its comparison with how Kazakhstani stand-up comedians (both male and female) address the significance of the native language reveals that Kazakhstani stand-up is, to a large extent, a mirror of the sociolinguistic situation in the country.